

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

Е. И. Маштакова

ИЗ СОБРАНИЯ САТИР НЕФ'И
"СТРЕЛЫ СУДЬБЫ"

1.

Неф'и (Nef'i, ум. в 1635 г.) по праву считается одним из крупнейших поэтов средневековой Турции. Однако его литературное наследство - два дивана (на турецком и персидском языках) и собрание сатир - опубликовано лишь частично и изучено далеко не достаточно.

Так, из персидского дивана в оригинале издано небольшое количество стихов; весь диван известен только в переводе на турецкий язык (1943 г.)¹.

Турецкий диван издавался дважды, свыше ста лет назад (в 1836 и 1853 гг.). Здесь внимание исследователей² привлекали прежде всего касыды. Подлинный мастер этой поэтической формы и талантливый художник, Неф'и создал образцовые для своего времени произведения, где выступал главным образом как панегирист. Поэт своеобразно пользовался богатыми литературными традициями, подчас новаторски обогащал турецкую касыду и в области формы, и по содержанию. Так, он мог, например, чувствовать себя свободным в отношении жанровых особенностей формы. Во вступлении он иногда отказывался от "описательной части", от пейзажных зарисовок, хотя они вполне удавались ему и многие из них считались тогда совершенными. Подобные зарисовки отличались лиричностью, искренним чувством восхищения природой или же были продиктованы автору богатым поэтическим воображением и непосредственными жизненными впечатлениями, как, например, в известной картине

битвы³, где звукопись передает лязг оружия, свист стрел и громы боя. Некоторые касыды открываются показом цепи событий или обрисовкой политической ситуации. Вообще Неф'и иногда начинал касыду вопреки канонам, непосредственно с основного предмета высказывания. Панегирик у него легко обращался, например, в прямо выраженную просьбу материального характера, завершающуюся славословием адресату стихов, а касыда, начатая с восхваления, иногда превращалась в едкую сатиру (для сатирических произведений поэт использовал также и формы газели и кыт'а; последнее главным образом в эпиграммах).

Именно сатиры Неф'и представляют большой интерес, в частности с точки зрения того, как отражалась турецкая действительность в литературе и как последняя отвечала запросам своего времени. Но литературное наследие поэта в данном аспекте до сих пор недостаточно привлекало внимание исследователей.

Никогда не публиковавшееся полностью собрание сатир Неф'и, называемое "Стрелы судьбы", или "Стрелы предопределения" (Sihâm-i Kazâ), отражает и присущее поэту своеобразие, и традиционные черты хаджва, как в Турции чаще всего называют сатиру. Этим термином, некогда обозначавшим поношение личного противника (обычно строившееся на циничных выражениях и грубой брани), со временем стали называть и те произведения, которые содержали критику общественных явлений. Писатель зачастую представлял своего личного врага одним из многих ему подобных в его среде, и это уже являлось неким обобщением типических черт. Так, по крайней мере, это воспринималось оппозиционными слоями общества ("низшими" городскими кругами). Иногда это могло идти вразрез с субъективными намерениями автора, но объективно отвечать духу времени, передовым взглядам эпохи.

Суждения Неф'и гуманистичны в своей основе. В его стихах звучит негодование, когда попираются честь и достоинство человека. Благо народа и справедливость должны быть превыше всего — верил поэт. Но действительность противоречила этому, и тогда он взывал к чувству справедливости и разуму султана, который, по мысли Неф'и, и был обязан карать порок и поощрять добро. Поэт уповал также на законность вообще, на возможность поддержания ее с помощью шариата, хотя в то же время и не питал иллюзий в отношении тех, кто выступал как исполнитель воли закона или как знаток его.

Сатирик беспощадно высмеивал духовенство, невежественных святош, лицемерных блюстителей нравственности. У многих турецких поэтов — его предшественников и современников — эти же фигуры выступали в качестве объектов осмеяния. Но у Неф'и они представлены гораздо выразительнее, в конкретности своих отрицательных качеств, когда поэт называет этих лиц их подлинными именами и титулами (например, шейх-уль-ислама того времени или другого какого-либо лица, наделенного высоким духовным или светским званием).

Вообще многие сатиры Неф'и являются выпадами против конкретных крупных чиновников Османской империи, знатных людей, а также против поэтов-льстецов и интриганов. Эта особенность его сатир — точное обозначение адресата — была причиной преследований стихотворца со стороны властей и в конце концов привела к трагической гибели: оскорбленный сатирами вельможа, зять султана, получил разрешение расправиться с автором, что и сделал руками палача, а труп поэта был сброшен в море со скалы.

Исходя из критерия добра и зла, Неф'и оценивал способность людей, облеченных властью, заботиться о благе че-

ловека, которое неотделимо от благополучия государства. Он смело называл чиновников, недостойных, по его мнению, своего высокого положения, обличал их в забвении догматов веры, принципов справедливости и морали. Поэт зорко следил за действиями ненавистных ему лиц и тотчас же язвительно или насмешливо отзывался на их "неправедные" поступки. Так, например, автор сатир, обвинив великого везира Гюрджи Мехмеда пашу в лицемерии, жадности и жестокости, не упустил случая заметить, что в довершение всех пороков он еще и невежествен в делах; из-за невежества везира погибло множество людей (видимо, речь шла о каком-то всем известном тогда военном поражении). Поэт считал истинным бедствием для государства правление этого великого везира⁴.

Неф'и высказывал, например, непреклонное убеждение по поводу другого везира, что, поскольку тот "стоит во главе несправедливых", он не может быть справедливым к народу, представляя волю самого шаха⁵. По мысли поэта, эти негодные для несения своей службы чиновники ради установления порядка в государстве подлежат устранению и даже физическому уничтожению⁶. Их должны заменить люди нравственные и просвещенные, к которым поэт причислял и самого себя.

Османская империя в начале XVII в. уже переживала период упадка во всех областях: в военной, экономической, культурной и проч. Последствия этого чувствовались всеми слоями общества.

Неф'и был лично озабочен тем, что нарушался "порядок в обществе" по вине занимавших высшие государственные посты невежественных и тщеславных, жестоких и нечистых на руку людей. Поэт обвинял тем самым весь социальный строй, допускавший их к власти. Неф'и протестовал: "Если все не изменится, то пусть все смешается на этом небосводе; пусть

сами небеса обратятся в прах"⁷. Его проклятье сливалось с голосами других передовых поэтов и прозаиков века. Время энергично вырабатывало общественное мнение, направленное против "неустройств" и беззакония, требовавшее перемен, ведущих к искоренению зла. Неф'и считал своим долгом служить этому делу стихами, прекрасно понимая грозную силу сатиры.

Поэт открыто провозглашал обличительность своей поэзии⁸. Этим объясняется ее наступательный характер, резкость тона и "дерзость" выражений, которые, впрочем, были вполне в духе средневековой сатиры едва ли не всех литератур мира. Кроме того, здесь сказывались и традиции хаджва — личной инвективы.

Неф'и создал серию карикатур, в основе которых лежали подлинные наблюдения жизни. В рамках устоявшихся традиций средневековой турецкой литературы с ее стабильными образами и определенным "набором" художественных приемов авторское стремление к достоверности в изображении конкретных личностей проявилось в привнесении в сатирические произведения результатов реальных наблюдений и бытовых примет. В ряде случаев в язык этих стихов проникает профессиональная лексика, встречаются лексические и грамматические диалектизмы и т.п., что создает известную разностильность сатирических произведений. Привлекает внимание использование сатириком разнообразных специфических приемов (гиперболизация отрицательного, комическое несоответствие требований и возможностей, претензий личности и ее объективных данных, осмеяние через восхваление, пародирование и многое другое). В ряде произведений Неф'и поднимается до острой социальной сатиры. Недаром его творчество, в частности как поэта-сатирика, служило примером для некоторых поэтов и прозаиков, его современников, и для писателей последующих веков.

2.

Несмотря на исключительное значение Неф'и для истории турецкой литературы, как мы знаем, не все его сочинения опубликованы. Например, сатирические "Стрелы судьбы" известны пока только по некоторым произведениям, появившимся в печати в разного рода антологиях, книгах по истории турецкой литературы и т.п.⁹ Все изданные здесь сатиры Неф'и по объему исчисляются примерно 182 бейтами¹⁰. Но, как правило, эти стихи Неф'и печатались авторами названных книг без указания на первоисточник; часто перепечатывались материалы, увидавшие свет в таком же виде в других книгах. Всего нам известно пока 67 отдельных сатирических произведений Неф'и и отрывков из них, иногда в размере одного-двух бейтов.

Мы располагаем фотокопией шести двойных листов (т.е. с лицевой и оборотной сторонами каждого листа: "а" и "б") из рукописного сборника турецкой поэзии, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже и известного по каталогу Э.Блоше¹¹. На страницах рукописи "S.№ 388", представленной здесь листами 886-94а, записаны стихи, озаглавленные "Собрание сатир Неф'и-эфенди" (مجموعه نغمة افندی) ..

По определению автора каталога парижских рукописей, сборник может датироваться XVII в., т.е. тем столетием, когда жил поэт. Таким образом, список представляется заслуживающим внимания по своей давности. Трудно сказать, насколько по составу он соответствует собранию сатир Неф'и "Sihâm-i Kazâ", рукописи которого хранятся в библиотеках Стамбула¹² и оказались нам недоступными. Даже А.Карахан, уделивший сравнительно с другими авторами большее внимание данному сочинению сатирика¹³, не сообщает об этих стихах точных данных.

По отношению к опубликованным в различных изданиях сатирам Неф'и (182 бейта) парижский список (далее обозначаем сиглом "П"), состоящий из 188 бейтов, включает 73 бейта, уже известных по ряду изданий, правда содержащих большие разночтения с нашей рукописью. За вычетом этого, "П" включает в себя 115 бейтов сатир Неф'и (или 30 законченных стихотворений из известных нам 67), ранее нигде не публиковавшихся. Иными словами, более 60% парижского списка представляют собой новый текст сатир Неф'и, что уже дает основание для его издания.

В списке "П" находятся три сатирические касыды из пяти, ранее опубликованных: это две сатиры на великого везира Гюрджи Мехмеда пашу (лл. 92а, 92б-93б) и одна сатира на Экмекчи (Этмекчи) Ахмеда пашу (л. 90б). Помимо названных в "П" записано еще несколько касыд, никогда не издававшихся (см. лл. 89а-89б, 90б, 91а и 91б). Остальные произведения в этом списке по форме представляют собой кыт'а.

Три "именные" касыды, названные выше, имеют значительные текстуальные расхождения "П" с теми публикациями, которые нам известны по ряду изданий¹⁴. Разночтения в части случаев ограничиваются заменой отдельных слов в рамках бейта или же дают различный текст некоторых бейтов, следующих один за другим и составляющих значительную часть какого-то отдельного произведения.

Так, например, значительны текстуальные расхождения "П" в касыде на Гюрджи Мехмеда пашу, в публикуемом списке озаглавленной *روح کوجی محمد پاشا* (л. 92а), с текстом этой же касыды, известной по книгам Эбу-з-Зин¹⁵ (обозначаем далее "Э.З.") и Хильми Юджебаша¹⁶ (обозначаем "Х.Ю."). Если в первой из них издано всего пять бейтов (далее, по словам автора книги, следуют еще 40-50 бейтов, ко-

торые он не приводит), то во второй находим 23 бейта. В "П" (всего 20 бейтов) за первыми двумя бейтами (во втором из них второе мисра в "Э.З." и в "Х.Ю." имеют значительные различия с "П") следуют два бейта, не опубликованные в двух названных книгах. В "Э.З." далее помещены в обратном порядке бейты 7 и 8 (по тексту "П") и в заключение дан бейт 11 (по тексту "Х.Ю."). В "П" бейты 5-9 с небольшими различиями совпадают с "Х.Ю." (здесь это бейты 3-7), а далее "П" (бейты 10-20) и "Х.Ю." (бейты 8-23) дают совершенно разный текст этой касыды.

Не меньше различий находим и в тексте другой сатиры на того же Гюрджи Мехмеда пашу в "П" (درحق کورجی محمد پاشا - دفعی ثانی - 926-93а) и в "Х.Ю."¹⁷. Неодинаковы размеры касыды: в публикуемом списке - 41 бейт, в "Х.Ю." - 32. Совпадают (за исключением нескольких слов) тексты 16 бейтов в "П" (1-3, 9-15, 17, 18, 20, 21, 23, 41) и "Х.Ю." (соответственно: 1-3, 6-8, 10-15, 19-21, 25); остальные бейты имеют разный текст.

Сатира на Этмекчи (Экмекчи) Ахмеда пашу в "П" (озаглавлена درحق اتمکچی اوغلی - 906) состоит из 9 бейтов, а в "Э.З."¹⁸ и в книге А. Карахана¹⁹ - из 11: два бейта добавлены после первых двух (по тексту "П"). В тексте названных публикаций существенных разночтений не имеется. Отличие последних от "П" в том, что архаическая форма показателя 1-го л. ед. ч. в таких, например, глагольных формах, как ایدهمین دیلریم в книгах заменяется на dilerim, edeyim. Но как ни привлекательна возможность продолжить такое сопоставление, в настоящее время мы должны от него отказаться.

Сличение одних и тех же сатир Неф'и по разным спискам могло бы выявить важные текстуальные изменения, появившиеся в произведениях в процессе их бытования. С учетом исторической обусловленности этих разночтений можно

делать выводы об отражении в них воли позднейших переписчиков к "улучшению" или "исправлению" стихов (в зависимости от отношения к их автору), о приспособлении текстов старых списков к языковым и стилистическим нормам того времени, когда производилась очередная переписка, и мн. др. Однако для такого рода анализа необходимо располагать изданиями, в определенной мере отвечающими требованиям научной публикации: точным обозначением оригинала и его описанием, указанием на характер работы над текстом, проделанной издателем, точным отражением (в ссылках, например) вносимых в текст изменений и т.п. Эти данные отсутствуют в названных ранее книгах, где помещены сатиры турецкого поэта. Таким образом, сопоставительное текстологическое изучение сатир Нев'и окажется возможным, видимо, лишь в будущем, когда появятся научные публикации по крайней мере важнейших рукописей "Sihâm-i Kazâ".

Примечания

¹ Nef'i'nin Farsça Divanı tercümesi (tercüme: Ali Nihat Tarlan), İstanbul, 1944 (?), цит. по кн.: Abdülkadir Karahan, Nef'i, Hayatı, sanatı, şiirleri, İstanbul, 2-ci baskı, 1967, стр. 35 (далее — Карahan).

² E.J. Gibb, A History of the Ottoman Poetry, vol. III, London, 1904, стр. 246-273; Карahan, стр. 16-32; V.M. Kocatürk, Türk edebiyatı tarihi, Ankara, 1964, стр. 436-444.

³ A.S. Levend, Edebyat tarihi dersleri, İstanbul, 1943, стр. 226-227.

⁴ 926, 2. — Здесь и далее стихи Нев'и цитируются по публикуемому нами Парижскому списку; первым указывается номер листа и его лицевая (а) или оборотная (б) сторона, а затем номер бейта, считая сверху.

⁵ 906, 5

⁶ 926, 10.

⁷ 906, 1

⁸ 92а, 926 и др.

⁹ См., например: **كاتبخانه ابوالخيا • نفی • قطنطيه •**

۱۳۱۱ (1893/4) E.J. Gibb, A History of the Ottoman Poetry, vol. III, London, 1904, стр. 255, 273; vol. VI, London, 1909, стр. 201; Hilmi Yücebaşı, Hiciv edebiyatı antolojisi, İstanbul, 1961, стр. 71-75; V.M. Kocatürk, Türk edebiyatı tarihi, Ankara, 1964, стр. 436-444; Карахан, стр. 103-110 (1-й изд., 1954, стр. 116-126).

¹⁰ К сожалению, нам не удалось познакомиться с небольшой по объему книгой, где публикация стихов Неф'и, по мнению некоторых специалистов, знакомых с изданием, не претендует на строгую научную точность: Saffet Sıtkı, Nef'i ve "Sihâm-i Kazâ" 'sı, İstanbul, 1943.

¹¹ Ms. Recueil de poésies turques ... Bibliothèque nationale, Paris, "S. № 388"; E. Blochet, Catalogue des manuscrites turcs de la Bibliothèque nationale, t.I, Paris, 1932, стр. 338, 339.

¹² Mecmua-i Sihâm-ı Kazâ, — Üniversite Ktb., T.Y. 5110; Sihâm-i Kazâ, — Üniversite Ktb., T.Y. 3003, — см. в кн.: Карахан, стр. 36.

¹³ Карахан, стр. 21-24.

¹⁴ См. выше, прим. № 9.

¹⁵ **كاتبخانه ابوالخيا • نفی • ص ۱۶ - ۱۷**

¹⁶ Hilmi Yücebaşı, Hiciv edebiyatı antolojisi, İstanbul, 1961, стр. 72-73.

¹⁷ Там же, стр. 71-72. Выборочно взятые 11 бейтов из этого же текста с разночтениями в пяти словах опубликованы в кн.: V.M. Kocatürk, Türk edebiyatı tarihi, стр. 441.

¹⁸ كتابخانه ابوالضيا . نفی . ص ۲۳

¹⁹ Карахан, стр. 105-108.

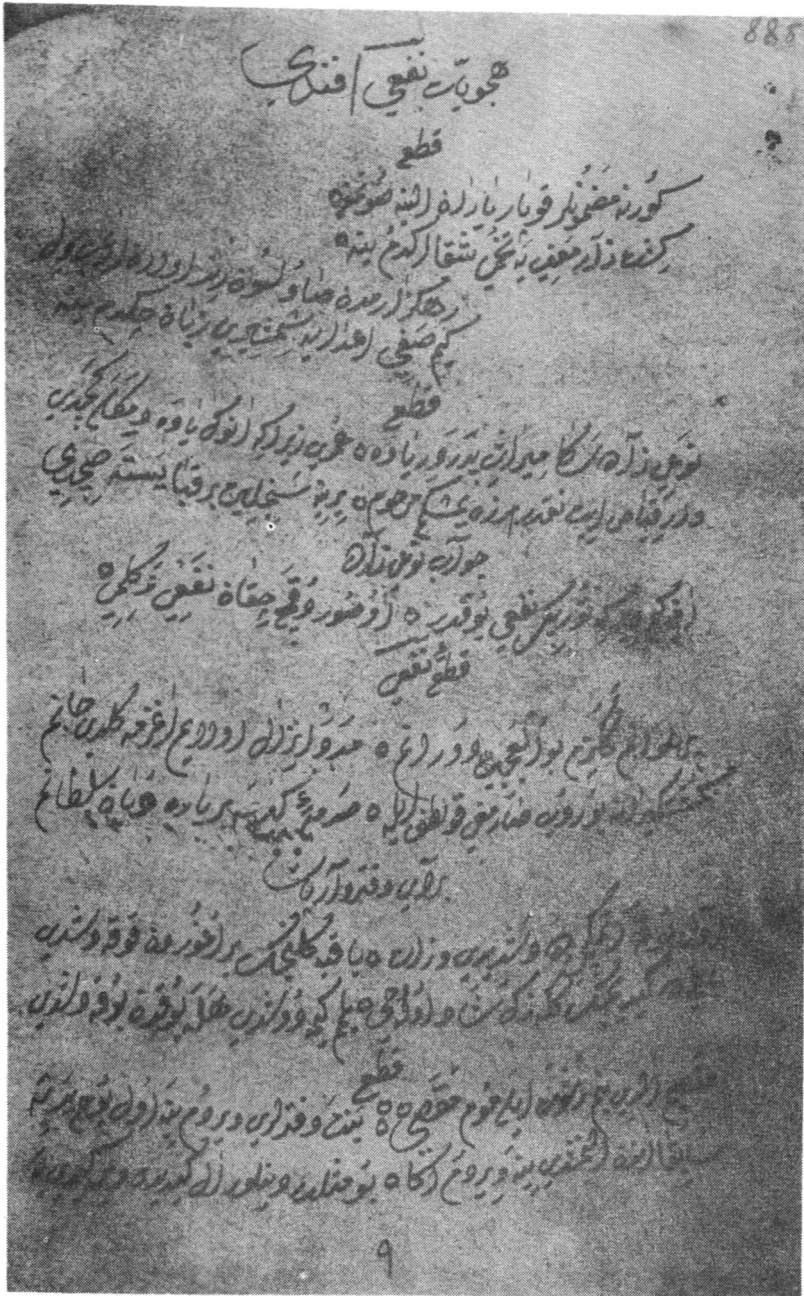

Рис. 3. К статье Е.И.Маштаковой. Рук. S. № 388, л. 88 б.

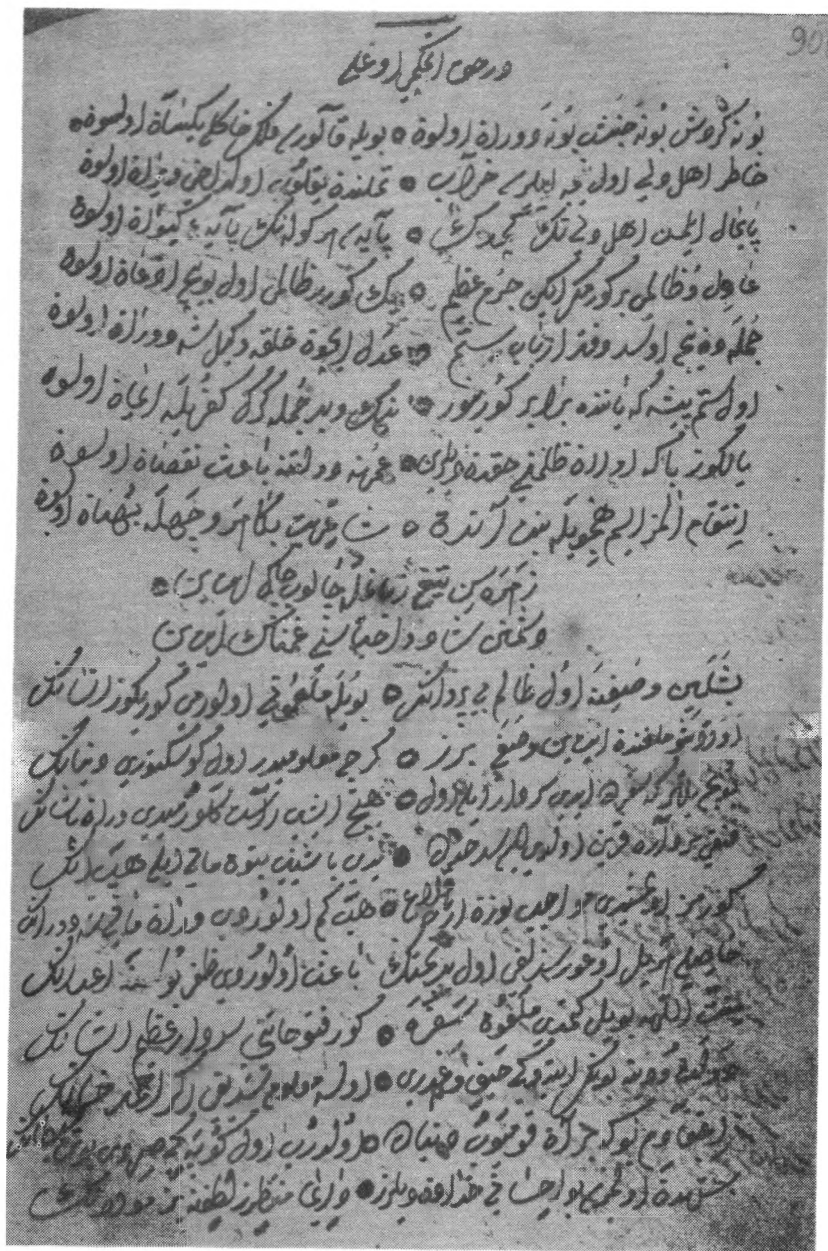

Рис. 7. К статье Е.И. Маштаковой. Рук. S. № 388, л. 906.

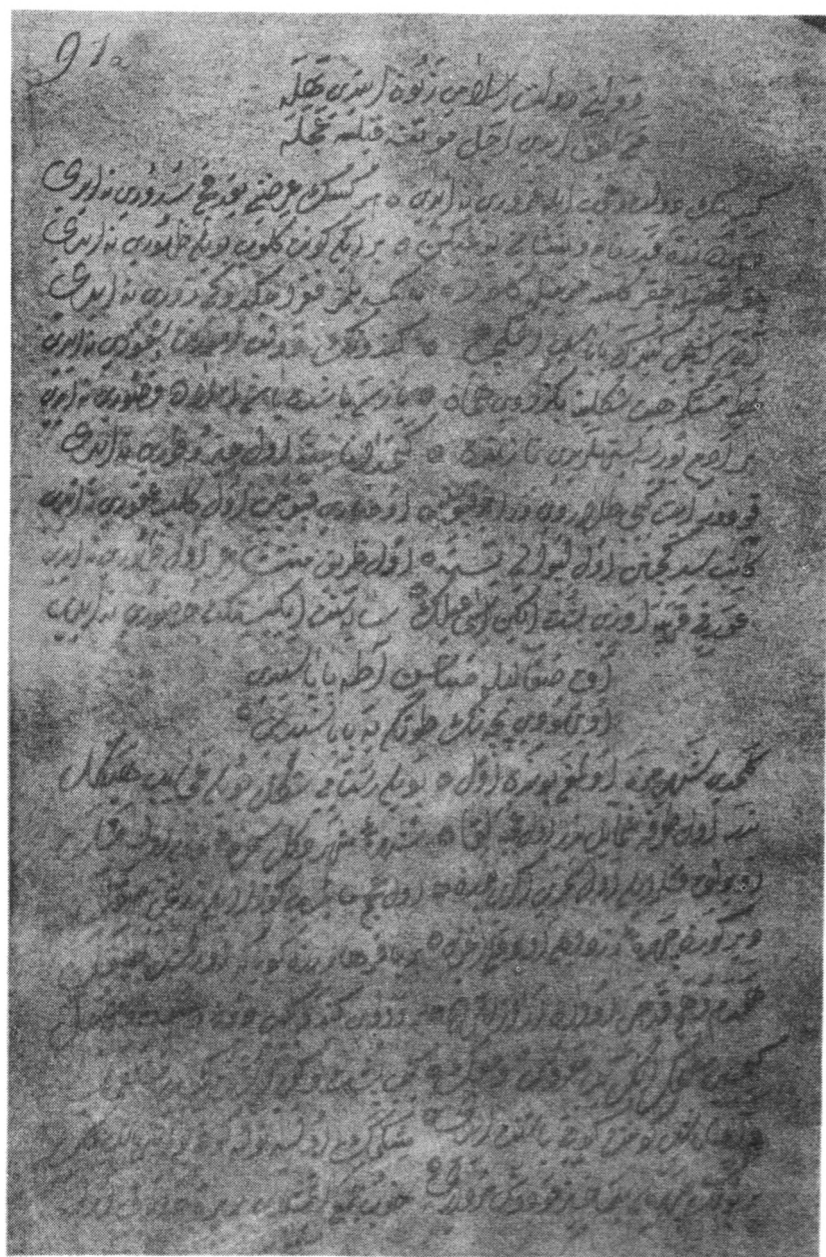

Рис. 8. К статье Е.И.Маштаковой. Рук. S. № 388, л. 91 а.

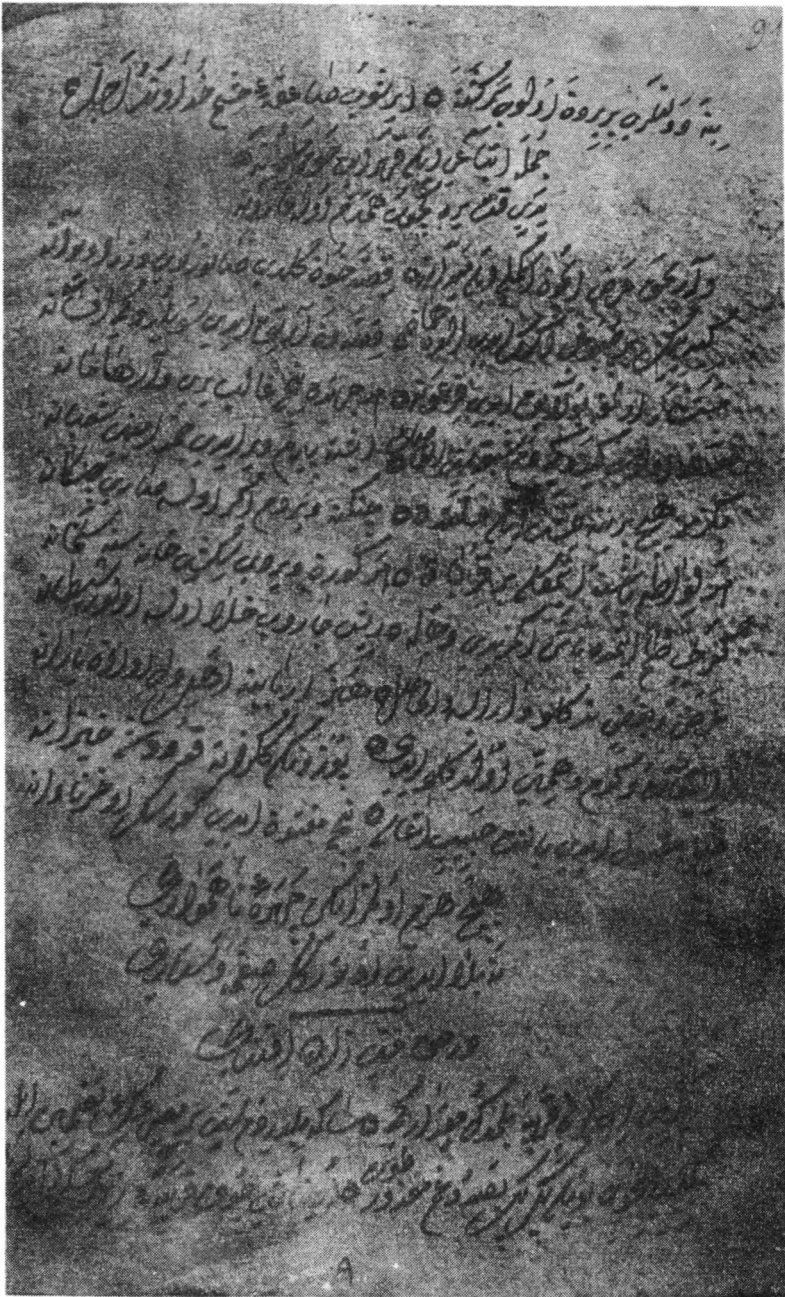

Рис. 9. К статье Е.И. Маштаковой. Рук. S. № 388, л. 91б.

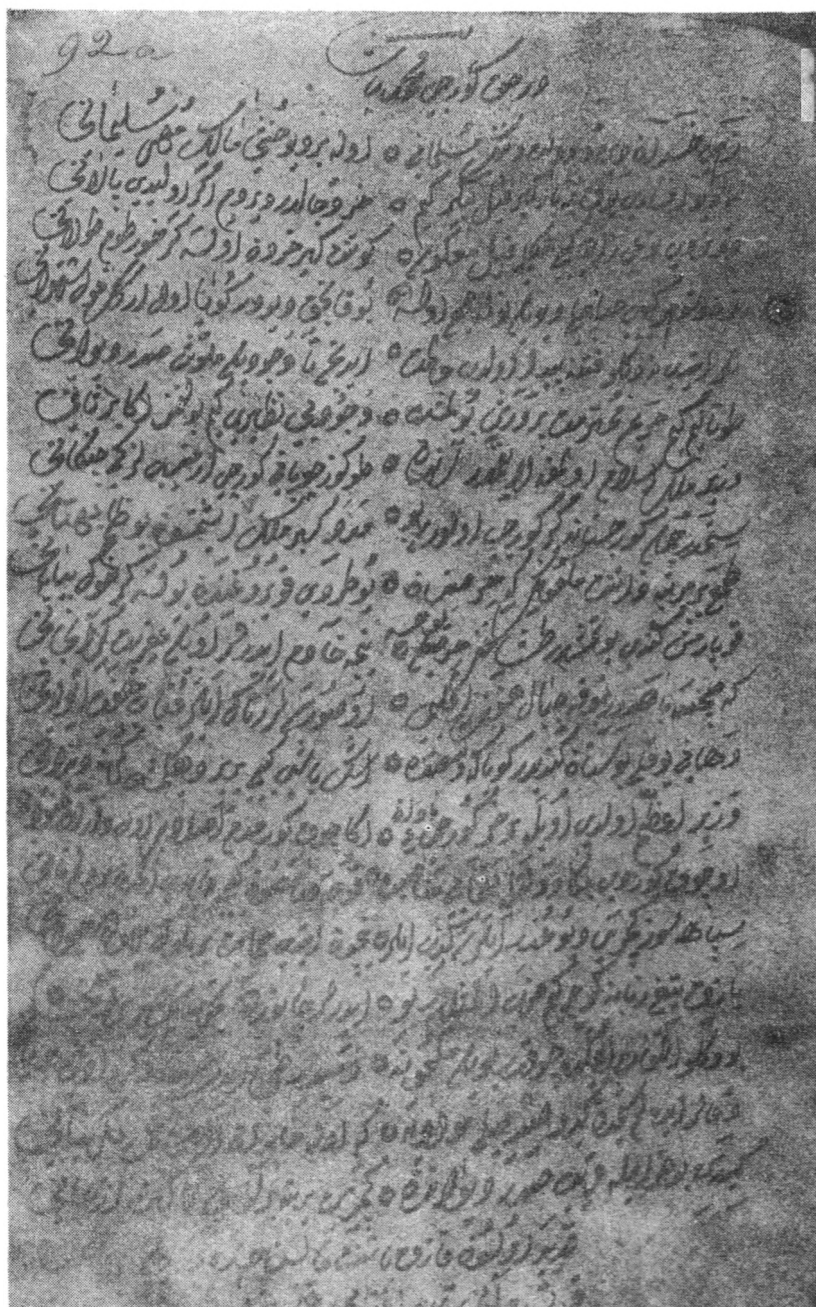

Рис. 10. К статье Е.И.Маштаковой. Рук. S. № 388, л. 92 а.

34-2 64

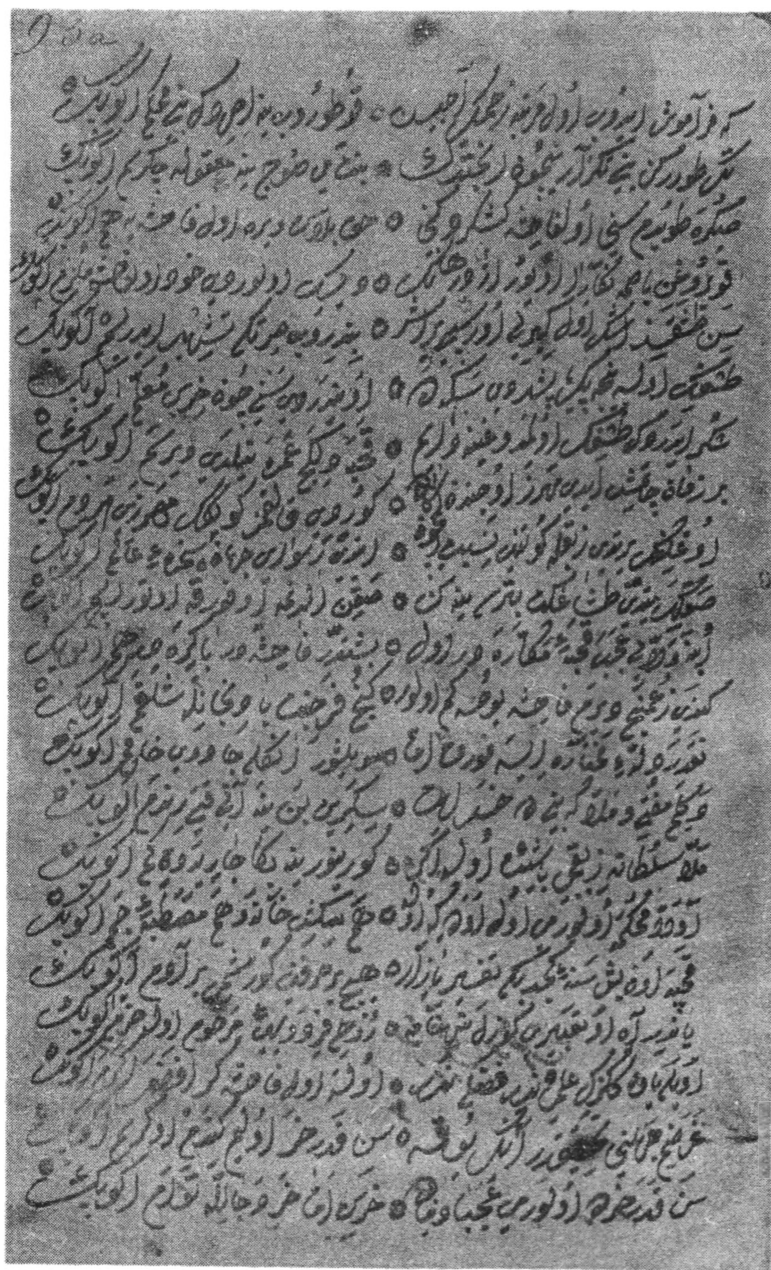

Рис. 12. К статье Е.И. Маштаковой. Рук. S. № 388, л. 93 а.

